

Секция VI
ЛИЧНОСТЬ И ВОЙНА
1914–1918, 1941–1945 гг.

Александр Сумф

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ВОЕННАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ
ВETERАНОВ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
в России, 1914–1921 гг.**

В ходе Первой мировой войны царская Россия мобилизовала более 13 млн воинов. Дезертирство, стихийная демобилизация конца 1917 г., хаотичная репатриация 2 млн военнопленных, насильственная мобилизация осенью 1918 г. в Красную армию — всё это отличало Россию от других воюющих стран. Судьба русских ветеранов Первой мировой войны входит не только в европейский контекст демобилизации, но также в долгую историю, во-первых, статуса ветеранов в России/СССР и, во-вторых, развития общественности до и после Октября.

Общества ветеранов Великой войны не существовали как учреждение в советских структурах.

До 1917 г. русские солдаты назывались «нижние чины»; Февральская революция превратила их в «солдат», активную часть Советов. Слово «солдат», как и «чин», принадлежит к армейскому словарю и определяет функцию в военной иерархии. Не все русские солдаты воевали, большинство не стали ветеранами — в смысле французского слова “ancien combattant” (тот, который воевал, «бывший комбатант»¹). Слово «фронтовик» Владимир Даль определял как «хороший строевой, знающий службу»; но современное значение (солдат, сражающийся на фронтовых позициях) не являлось преобладающим в речах военных даже в ходе Гражданской войны. Выражение «бывший участник сражений» отсутствовало в России, как царской, так и большевистской. Объясняется это, вероятно, тем

¹ О.С. Нагорная употребляет неологизм «комбатант». См.: *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: русские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М., 2010. С. 9.

фактом, что война не закончилась в полном смысле. А термин «ветеран» до Второй мировой войны использовался только в белоэмигрантской среде.

В рамках этой статьи я пытаюсь дать обоснование тому, что любой человек, носивший между 1914 и 1918 гг. форму царской армии, был потенциальным ветераном: человеком, который требовал признания его боевых заслуг и жертвенности, у которого война изменила представление о личной роли и коллективных связях в обществе.

План статьи строится на различиях между тремя степенями ветеранства: самый факт прекращения боя из-за ранения, плена или бегства (I); новые содружества воинов на базе общего пути возвращения, общей профессии или общего военного опыта (II) и, наконец, сознательное ветеранство, т. е. коллективное действие в интересах этой специальной группы в демократической и революционной обстановке (III).

I. Ветеранство как прекращение военной службы

В России только 25 % мобилизованных получили военную подготовку до сражений; 52 % немецких и 80 % французских солдат умели стрелять, идти маршем и знали чины военной иерархии¹. Русские войска были призывными, что препятствовало как военной и человеческой сплоченности частей, так и сходному восприятию опыта войны. Объединенные войной солдаты стали «бывшими комбатантами» — ветеранами — в разных обстоятельствах и периодах войны. Надо различать, с одной стороны, инвалидов, военнопленных, дезертиров и, с другой — демобилизованных 1918 г. В зависимости от момента перехода каждого индивида в категорию ветерана эта принадлежность могла быть временной.

А. Те, для кого война закончена: военнопленные и инвалиды

Российская империя мобилизовала 13 млн 955 тыс. мужчин (всего 15 млн 378 тыс. с профессиональными солдатами), среди которых почти 14 миллионов действительно послали в окопы, и, наверно, чуть меньше сражались на передовой. Как минимум 1 890 369 погибли или пропали без вести (439 369) — один из 3 тыс. воинов. 3 млн 749 тыс. болели или получили ранения. Еще 2 млн 384 тыс. человек попали (или сдались) в плен². Эти люди, разбросанные в 200 лагерях Германии, оккупированной Франции, Австро-Венгрии и Турции, могли рассчитывать лишь на временную солидарность разделивших лагерную жизнь. Из-за больших людских потерь и особенностей войны содружества участников боев создавались либо в окопах, либо в лазаретах, лагерях, эшелонах.

Не лучше обстояло дело у раненых, больных и инвалидов. Солдаты, оказавшиеся в тылу, олицетворяли собой страшный образ текущей войны: они расска-

¹ Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton University Press. Vol. 1: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March-April 1917). 1980. P. 53.

² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Ред. Г.Ф. Кривошеев. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 100–106.

зывали о высокой смертности, безликости смерти и падении значения героизма в условиях поражения русских войск. Военными властями не признавалась специфичность болезней, ран или инвалидности войск на этой войне. Инвалидность оценивалась в постановлении 1912 г. понятием потери трудоспособности (гражданским критерием) с 4 разрядами: на 100, 70–100, 40–70 и 15–40 %. Более того, медицинские специалисты встречали трудности в получении средств на лечение специфических травм¹. Наконец, верховное командование не соглашалось признавать контузию, считая, что фронтовые солдаты симулировали с целью добиться отправки в тыл. Опросные листы для возвращающихся из плена военного ведомства обычно не предусматривали указания точных данных о ранах, а анкеты ЦК по делам о военнопленных или Красного Креста составляли целый список ран, включая контузии².

Во Франции общества инвалидов были сосредоточены во время войны в столице, где больницы имели оборудование для специального лечения. Внутреннюю солидарность этой маргинальной группы укрепляло положение живого свидетеля ужасов войны, морального стража памяти павших и необходимость борьбы против равнодушия и неприязни здоровых³. Как и большинство инвалидов этой войны⁴, русские инвалиды, больные или раненые солдаты, часто оставались наедине со своим горем. В июне 1915 г., закончив лечение в Московском военном госпитале, Фрегмонт В. Артамонов приехал в родную деревню Тульской губернии, где горькими словами упрекал всех за свои беды, затем «в Сергиевском волостном правлении волостному писарю говорил, что если не будут удовлетворять нужды солдатских семейств, то они, солдаты, найдут, что делать». Его посадили в тюрьму и судили⁵.

Отдаление индивидуума от коллектива и солдата — от мобилизованного общества создавало острые социальные ситуации и укрепляло взаимное непонимание.

В. Отказаться от войны

В 1917 г. дисциплина падала на всех фронтах, хотя всё еще идет спор о политическом характере и определении отдельных событий⁶. В царской армии насчитывалось примерно 100–150 тыс. дезертиров одновременно⁷, не менее 7,5 млн

¹ Преображенский С.А. Материалы к вопросу о душевных заболеваниях воинов и лиц, причастных к военным действиям в современной войне. Пг., 1917. С. 15, 52.

² Сведения о прибывшем из плена // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 603. Л. 116–116 об.

³ Prost A. Les Anciens combattants et la société française. Paris: Presses de la FNSP, 1977. Т. 1: Histoire. P. 28–44.

⁴ Cohen D. The War Come Home. Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939. Berkeley: University of California Press, 2001; Newman J. P. Forging a United Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes: The Legacy of the First World War and the „invalid question“ // Next Perspectives on Yugoslavia: Key Issues and Controversies / Dejan Djokić, James Ker-Lindsay, eds. Londres: Routledge, 2011. P. 46–61.

⁵ Революционное движение в армии и на флоте, 1914 — февраль 1917 / Под. ред. А.Л. Сидорова. М.: Наука, 1966. С. 95.

⁶ A. Loez, 14–18. Le refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris. Gallimard, 2010. P. 9–31.

⁷ В середине Галицкого отступления Мишнин потерял свою часть и просто исчез на целые 11 дней, но в конечном итоге его зачислили снова и даже не подали в суд. См.: Дневник военных походов солдата В.А. Мишнина // Земство. 1994. № 3. С. 131–132.

человек в это же время находились на действительной военной службе, и от 1,5 до 3,5 млн одновременно сражались на фронте¹.

Дезертирство дезорганизовало армию, но еще более препятствовал нормальному ее функционированию отказ наступать. К примеру, ссылаясь на то, что офицеры лично не участвуют в атаках, нижние чины 326-го пехотного Белгородского полка не вышли из окопов в ночь на 17 ноября 1916 г. под Прислипом². Соседние полки скоро также забастовали. Еще сильнее сказывалось бегство с позиций, порой под взрывы снарядов собственной артиллерии (38-й армейский корпус, Западный фронт)³. Случаи подобного коллективного поведения воспринимались как политические действия не самими их участниками, а командованием и политическими партиями.

Дезертирство — неоднозначный феномен. Чаще всего оно не носило массового характера, а являлось следствием индивидуальных решений. Надо различать не только дезертирство «вперед» (сдача в плен) и «назад» (уход с позиции), но и действия дезертиров и их восприятие начальством, наказание военным судом.

В начале войны Главному штабу было проще объяснять дезертирство трусостью индивидуумов, чем признать, что оно являлось отражением слабости русской армии. Волна дезертирства «вперед» прекратилась весной 1915 г., когда войска не смогли удержать удар неприятеля, а слухи об ужасном обращении с русскими военнопленными в Германии распространялись как самими солдатами, так и военными агитаторами.

С самого начала войны дезертирство «назад» проявлялось в той или иной форме. В 1914 г. в среднем 6 % мобилизованных не явились на сборные пункты⁴. Позднее по пути целые роты прыгали с поезда или исчезали в лесах⁵. Кроме них, больные и раненые (включая членовредительство), не желая возвращаться на поля сражений, делали всё, чтобы продлить срок лечения. Все те, кто в той или иной форме отказывался участвовать в войне, объявлялись дезертирами в прессе, в речах «патриотов», в решениях судов и особенно устами офицеров части. Фронтовики в целом не одобряли дезертирство: бегство с фронта по причине эмоциональной считалось предательством общей судьбы, а уход в банды для грабежа — преступностью.

Дезертирство было самым экстремальным проявлением неповиновения солдат. Оно встречалось в меньшей части войск и не всегда являлось окончательно свершившимся действием. В секретной сводке Генерального штаба за неделю с 3 по 10 июня 1917 г. сообщалось о 694 случаях дезертирства (442 — на Север-

¹ Россия и СССР в войнах... С. 97.

² Заключение военного прокурора Общего корпусного суда при штабе 8-й армии // Революционное движение в армии... С. 247–253.

³ Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 г.: Сб. документов / Под. ред. Л.С. Гапоненко. М., АН СССР, 1968. С. 209.

⁴ *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 31.

⁵ В марте 1915 г. только 530 солдат из 4 рот 167-го запасного батальона дошли до Юго-Западного фронта. См.: Революционное движение в армии... С. 86.

ном фронте, 95 — на Западном, 114 — на Юго-Западном и 43 — на Румынском), при этом отмечалось, что вернулись в свои части 349 солдат (270 — на Северном и 79 — на Западном)¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что решение дезертировать или вернуться зависело от расстояний и местоположения фронта. Всё более росла ненависть к офицерам и командованию на Северном фронте — сказывалось влияние близкого Петроградского Совета. Напротив, на Румынском фронте в сентябре 1917 г. наблюдалась следующая картина: «Главная черта настроения — безразличное отношение солдат ко всему, что не связано с вопросом о мире, даже политика перестала интересовать солдатские массы. Везде — и на позиции, и в тыловых районах фронта — одна мысль, одно желание — мир, купленный любой ценой»².

На Юго-Западном фронте дезертиры далеко не уходили: «Озверелые вооруженные банды дезертиров грабят в тылу деревни и местечки, избивая жителей и насилая женщин. В небольшом районе задержано 12 тыс. дезертиров. Паника населения не поддается описанию»³. Отдаленные от политических событий и перемен, от своих деревень и земли, солдаты Юго-Западного фронта продолжали войну «на свой счет», терроризируя нерусское население, устраивая самосуд или доводя до самоубийства офицеров. Но вряд ли можно сказать, что такое поведение являлось политическим актом или помогло большевикам захватить власть.

А.К. Уайлдман считает, что, кроме дезертиров, ветераны русско-японской войны являлись самыми нестабильными элементами армии. Они составляли 36 % всех призванных на фронт (1,8 из 5 млн) и до половины солдат тыла. Из них 20 тыс. лечились в тылу после революции, и они были полны недоверия к новому государству⁴. Речь этих де-факто пацифистов объективно взрастила большевистскую линию.

Я полагаю, что их фрустрация возбуждала и других раненых, которые в лазаретах создали независимые от штаба солдатские комитеты. Но поддержать — не значит действовать, и отдельные настроения не связывают политический коллектив. Обобщение разбросанных поведений является, скорее всего, штампом образа «революционной солдатской массы». Люди в военной одежде были виднее в толпе, они иногда носили оружие, ходили без жен или детей⁵. Но решение или желание уйти от войны тем или иным путем не являлось достаточным, чтобы строить коллективный социум, в котором индивиды узнавали бы себя.

¹ Революционное движение в русской армии... С. 135. Скорее всего, ушли и вернулись разные люди.

² Документы о состоянии армии в 1917 г. / Публ. О. Чаадаевой // Красный Архив. 1937. № 5 (84). С. 165.

³ Революционное движение в русской армии... С. 213.

⁴ *Wildman A. K.* Op. cit. P. 80. Его мнение подтверждает сводка Генерального штаба от 14 июля, в которой читаем: «На настроение отвратительно влияют прибывающие из внутренних округов пополнения и главным образом кадровые солдаты запасных полков». См.: Революционное движение в русской армии... С. 208.

⁵ *Пришивин М.М.* Дневники. 1914–1917. СПб.: Росток, 2007. С. 506–540.

II. Демобилизация старой армии и де-факто ветеранство

Конец войны с двумя революциями и возвращением домой предоставил солдатам возможность объединиться в социальную группу, связанную специфическим опытом. Все шли на войну как крестьяне, рабочие, служащие — и получили от войны новый социальный статус. «Инвалид», «военнопленный» и «демобилизованный» пережили не одну и ту же войну, которая оставила на них свою страшную печать. Хотя бывшие солдаты испытали все ужасы войны и тяжкий путь возвращения домой, общество не облегчило им адаптацию к мирной жизни и не приняло во внимание их военный опыт. Зато бой, плен, увечье, болезни глубоко изменили мировоззрение вчерашних солдат. Положение усугублялось и тем, что для них сразу началась вторая, внутренняя война.

А. Пути возвращения и прием: опыт инвалидов и военнопленных

В 1916 и особенно в 1917 г. всё большему количеству солдат удавалось бежать из плена: 26 июня в Петроград прибыли 43 человека, 28 июня — 76 человек¹. Как и в случае с инвалидами, реакция властей толкала людей объединиться, чтобы защититься от подозрений и бороться за достойное признание понесенных ими жертв. Вернувшиеся получали по 25 рублей от ЦК по делам военнопленных и удостоверение беженца. Для проверки сведений и получения разведанных каждый солдат проходил через дотошные допросы. Каждое учреждение настаивало на особом роде сведений и задерживало солдат так долго, что Центральный комитет союзов бежавших из плена солдат и офицеров потребовал в феврале 1917 г., чтобы солдат допрашивали не более 4 дней, офицеров — одну неделю².

К примеру, младший унтер-офицер Н.И. Джаман долго рассказывал, где и кем он работал в плену в 1915 и 1916 гг. Только после того, как специалист по портовым сооружениям подтвердил, что Джаман никогда не работал в порту Киля, а трудился на заводе искусственных камней, его решили отпустить и наградить крестом Святого Георгия 4-й степени, за который он получил 150 рублей³.

Инвалиды с марта 1915 г. возвращались из плена в Россию особым путем в процессе или после лечения. Кинохроника показывала их прибытие в Москву в 1918 г. из германского плена⁴, но обычно инвалидов отправляли поездом через Норвегию до Торнео (Финляндия, тогда часть империи), где ждали поезда в Петроград. Каждую неделю один эшелон привозил в среднем 228 инвалидов, но опасные эпидемии замедляли возвращение⁵. Самых тяжелобольных лечили в Хорсерере, образцовом лагере на севере Дании. Из него каждый день в сентябре-октябре 1917 г. приезжали в Петроград 40 инвалидов⁶.

¹ Удостоверения за 1917 г. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 137. Л. 262 об.

² ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 1а. Д. 66. Л. 47–48.

³ Там же. Л. 13–29 (особенно 13, 15, 23 об., 25).

⁴ РГАКФД. Фильм № 553.

⁵ Журнал 21-го заседания Президиума ЦК по делам о военнопленных от 10 января 1918 г. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 142. Л. 32.

⁶ Списки инвалидов лагеря Хорсерера // Там же. Д. 135. Л. 1–22.

Среди репатриантов были и здоровые солдаты, симулировавшие различные заболевания. Так, М.С. Дружинин притворился сумасшедшим, имитировал Христа, чтобы австрийцы вернули его домой: «Прибыл сюда, где я конечно „выздоровел“ сразу»¹. Его не выслали обратно и не судили, а предоставили 2 недели отпуска как бежавшему из плена: индивидуальная стратегия удалась.

Остальные военнопленные дождались Брестского мира, чтобы вернуться двумя основными волнами в марте-апреле и ноябре-декабре 1918 г.² Перспектива возвращения внушала тревогу и неуверенность: «Пропишите, кто женился и вышел замуж, а я хочу привезти вам австриячку, хорошая барышня, а то у нас нет многих невест, все повыйдут», — писал молодой солдат родителям³. Немецкие власти препятствовали возвращению военнопленных всеми способами. Приоритетом созданного в апреле 1918 г. Бюро военнопленных в Берлине, располагавшего 60 адвокатами, являлась юридическая защита солдат. За 6 месяцев инспекторы успели обследовать только 75 из 140 лагерей и не смогли проверить 100 тыс. рабочих из команд, расположенных на территории Германии. Немцы отказывали в массовом возвращении, каждый случай нужно было оформить отдельно, что заставляло вести огромную и медленную переписку (20 тыс. бумаг)⁴. Немецкие власти останавливали поезда в десятках километров от границы, которую солдаты переходили пешком, через опасные зоны довольно мобильного фронта. Многие из возвращенцев пострадали от грабежей немецких и австрийских солдат; в Орше, главном узле в тылу фронта, скопление эшелонов производило абсолютный хаос⁵.

Опросить всех бывших военнопленных было невозможно: 16 ноября 1918 г. Совнарком постановил, что признавались таковыми лишь те, кто представлял удостоверения Центроппленбежа, местного Совдепа, либо документ из места содержания в плену. В отсутствие необходимых документов, отметим это особо, свидетельства двух солдат из того же лагеря или «следующих с ним из-за границы» считались достаточными⁶. Кажется, что списки вернувшихся из плена и солдат с фронта, составленные на фронтовых пунктах регистрации, фиксировали порядок прибытия. Можно предположить, что в определенной степени они раскрывают отношения между солдатами, связанными общим происхождением (место жительства, семейные связи), либо моментом взятия в плен, либо жизнью в лагере или возвращением в одном эшелоне⁷. Влияли ли на осознание коллективной силы эти индивидуальные связи?

¹ Опросный лист инвалида М.С. Дружинина // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 1. Д. 87. Т. 2. Л. 494 об.

² *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920.

³ *Молоствова Е.В.* Солдатские письма. Казань, 1917. С. 80.

⁴ Докладная записка о шестимесячной деятельности по делам военнопленных атташе С.М. Семкова при Полномочном представительстве РСФСР в Берлине // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 70. Л. 439 об.

⁵ В «Заявлении об обстановке в Орше» от 22 ноября 1918 г. говорится, что солдаты «умирают как мухи» от голода и холода, пока 30 эшелонов ждут на рельсах. См.: Там же. 2. Д. 38. Л. 233–233 об.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 603. Л. 8–8 об.

⁷ Именные списки русских воинов (Нижний Новгород) // Там же. Оп. 6. Д. 106. Списки русских военнопленных (станция Рогожко-Симоновск) // Там же. Оп. 1а. Д. 19. Л. 1–37.

В. Старая солидарность и новое поведение

Играла ли профессия свою роль в формировании специфической солидарности между ветеранами? Врачей мобилизовали на фронт, где они часто оказывались пленными, несмотря на международные конвенции. Хотя медсестер регулярно возвращали на родину, лагерные коменданты неохотно отпускали русских врачей, которые преобладали среди других национальностей и лечили тысячи иностранных военнопленных в ходе войны. Ужасы войны и бездействие государства в их защите возмущали врачей¹. Они создали собственный союз вернувшихся из плена, поскольку профессиональные группы, существовавшие до войны, часто элитные, не стремились воздействовать на солдатскую массу, а предпочитали защищать собственные интересы.

Война расколола профессию на мобилизованных и тыловых врачей. 20 февраля 1918 г. врача Юлиана Вейцмана отправили через Вильнюс на станцию Молодечно, где немцы предложили ему организовать в санитарном городке медпункт на 40 мест для солдат и беженцев. Он согласился и работал здесь до середины декабря 1918 г., получая только 250 марок в месяц (обычно русским врачам платили 900). Когда местные немецкие власти 1 марта освободили его, он добровольно остался на должности и тем самым лишился права на военную пенсию². На немецкой стороне фронта Вейцман не нашел ни финансовых выгод, ни социальных преимуществ; он потерял свое время и место в профессиональной среде и в обществе.

Если медицинская среда до войны представляла передовую часть общества, то война вызвала к жизни другие формы организации, опиравшиеся не столько на особенности профессии (образование, осведомленность), сколько на общие цели (действие, результативность).

Война породила новую социальную группу — 600 тыс. «тыловых крыс»³. Они не были связаны какими-либо принципами, а представляли собой местные шайки, стремящиеся к обогащению без риска оказаться на передовой или попасть под суд. Писарь, затем каптенармус Мишнин презирал членов обозных частей. По его воспоминаниям, эти «крокодилы грабители», «кровопийцы» устраивали такие пьянки, что «нельзя даже в дневник-то записать»⁴. Но тот же самый Мишнин радовался, когда купца Н.П. Карпова, которому принадлежал магазин, где он работал продавцом, мобилизовали благодаря связям на хорошую должность недалеко от Казани. Рвачей и спекулянтов ненавидели как социальную категорию, но в межличностных контактах царствовало соглашение. Семейно-экономическая солидарность укреплялась войной: Карпов регулярно помогал жене Мишнина в его отсутствие.

Последний фактор, игравший особенную роль в России, — национальность солдат. Хотя война должна была сплотить народ вокруг царя благодаря призыву

¹ Заметка о плене врача А.И. Зарубиной, 30 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 101. Л. 55–63.

² Правовой отдел Центропленбежа, 28 марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 8. Д. 69. Л. 222.

³ *Wildman A. K.* Op. cit. P. 102.

⁴ «Такое ведь счастье, остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата В.А. Мишнина, 12.2.1916 // Земство. 1995. № 2. С. 113–114.

на фронт мужчин разных национальностей, националистские штампы в России и политика Германии содействовали укреплению национального самосознания и росту сепаратизма — особенно украинского¹. В Терезине украинский агитатор имел слабый успех, но поляков вынудили войти в польский легион, не давая им продовольствия несколько дней подряд².

В показательной украинской части лагеря Раштат военнопленным, напротив, предоставили право на свободные прогулки, разрешили все виды культурных кружков, мастерскую, православную церковь и создание памятника украинским воинам, погибшим в лагере³. Всем руководили украинские интеллигенты, бывшие частью социальной элиты. Они одновременно удовлетворяли пожелания немцев и пропагандировали идеи автономии. Неизвестно, как подобную тактику воспринимали украинские солдаты-крестьяне и имели ли место региональные различия в развитии национального самосознания.

Также не очевидна для России роль национальной солидарности в формировании коллективного статуса «бывшего фронтовика». Все солдаты оказались в состоянии быстрого перехода от одной войны к другой, внутренней.

С. От демобилизации к ремобилизации

В России, как и в других странах, последовательность возвращения солдат к мирной жизни зависела от возраста, семейного положения, места проживания и занятия во время войны. Демобилизация осложнялась частичной ремобилизацией в рамках Гражданской войны на белой (включая военнопленных из Франции⁴), красной и зеленой сторонах. Решение оставлять на фронте самых молодых бойцов (1914–1919 гг.) было логичным как с военной точки зрения (юноши служили меньше, они более здоровые), так и с гражданской (старших солдат ждут семьи). Но социальная угроза была огромной: это поколение позднее рисковало не найти своего места в новом обществе.

Интересно проследить судьбы военнопленных. В Витебске с 1 по 10 августа 1918 г. отдел Центропленбежа принял 242 русских военнопленных (бежавших или по обмену). 232 человека получили по 15 рублей и питание один раз в день; 108 из них послали «в глубь России». Если большинство солдат после торжественных проводов (и в приподнятом настроении) уезжали на фронт с мужчинами тех же губерний и уездов, то возвращались они поодиночке, тихо, почти незаметно. После вынужденной коллективной военной жизни по возвращении они, вероятно, испытывали тревожное одиночество. В Пензе выдали одежду только тем демобилизованным, кто жил в губернии до войны⁵. Но территориальные привилегии подобного рода были отменены с ликвидацией земств весной 1918 г.

¹ Нагорная О. С. Указ. соч. С. 167–172.

² Опросный лист инвалида М. С. Дружинина // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 1. Д. 87. Т. 2. Л. 494.

³ Терлецкий О. История украинско громади в Раштаті, 1915–1918, Київ–Ляйпціг: Українська Накладня, 1919.

⁴ Октябрь за рубежом: Сб. воспоминаний. М.; Л.: ГИЗ, 1924.

⁵ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 70. Л. 97–100, 160.

Славный русский солдат к этому времени стал неизвестным и отстраненным «демобилизованным».

Бывшего военнопленного не призывали в армию в течение двух месяцев после возвращения, но если он мог служить по возрасту, то его ожидала Гражданская война. Чтобы вести ее, красные сначала ремобилизовали в июне 1918 г. мужчин от 21 до 25 лет в 51 районе Сибири и Урала. Позднее были проведены новые частичные мобилизации. 11 ноября 1918 г. решили призвать всех рабочих и крестьян (кроме кулаков), родившихся в 1898 г. Декрет от 24 апреля 1919 г. требовал 10–15 солдат от каждого уезда РСФСР.

Если вспомнить, что в августе 1915 г. людские потери вынудили государство призвать не только 21-летних, но также 20- и 19-летних, что многие из них погибли¹, стали больными, инвалидами или не вернулись из лагерей, то можно предположить, что основная тяжесть ремобилизации 1918 и 1919 гг. легла на молодых солдат, которые почти не воевали.

Дефицит военного опыта полностью проявился на всех сторонах Гражданской войны. Среди зеленых сам Антонов не служил в армии (он находился в заключении до 1917 г.), но остальные ветераны участвовали в Великой войне. В то же время почти все новобранцы «банды» были молодыми крестьянами призывного возраста, которых часто не отправляли дальше ближайшего гарнизона. Тактика конной атаки селений и частые поражения в регулярных боях² свидетельствуют о неопытности зеленых войск, отсутствии военного опыта Великой войны. Лишь офицеры были способны передать новой войне опыт войны старой.

Каждый офицер выбирал белую или красную сторону не по коллективной, а по личной и часто семейной причине³. Иногда верность друзьям, особое отношение денщика к офицеру тоже определяли ситуацию. Многие солдаты и унтер-офицеры, выдвинувшиеся во время войны (как, например, А.А. Жданов), пошли служить в новую народную армию. Они, вероятно, считали себя счастливыми: продолжали службу и получали зарплату, тогда как уволенным царским чиновникам Временное правительство не платило пенсии. Их решение объяснялось, во-первых, пропастью между высшими и нижними офицерами, во-вторых, желанием вернуть дисциплину в армию и создать крепкое государство в стране, и наконец, действием появившихся обществ защиты: Союз офицеров, Союз республиканских офицеров, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров.

Союзы отлично адаптировались к новым демократическим правилам, издавая журналы и брошюры, созывая съезды, выдвигая требования властям. На местах они даже участвовали в муниципальных выборах по спискам солдат, инвалидов и медицинского персонала⁴. Но после короткого демократического

¹ В итоге мобилизовали 2,5 млн 19-летних в течение войны; нет точных сведений о возрастном составе погибших. См.: Россия и СССР в войнах... С. 93.

² Landis E. C. Bandits and Partisans. The Antonov Movement in the Russian Civil War. University of Pittsburgh Press, 2008. P. 122–150.

³ Gousseff C. L'Exil russe. La fabrique du réfugié apatride. Paris: CNRS Editions, 2007. P. 19–48.

⁴ Rendle M. Defenders of the Motherland. The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford University Press, 2010. P. 60, 151–153.

этапа, по мере комплектования Красной армии не группами офицеров, а отдельными солдатами¹, эти общества и этот коллективный дух исчезали. Позднее большевики тем или иным путем запретили деятельность неугодных им союзов. Офицеров старой армии считали «военными специалистами»: их было 165 тыс. в 1918 г., и они составляли 34 % офицеров Красной армии в течение Гражданской войны. В 1922 г. среди военспецов даже насчитывалось 2598 бывших офицеров и солдат Белой армии². Не афишируемая взаимопомощь, вероятно, способствовала сохранению связей между бывшими царскими офицерами. Карьеры Тухачевского, Жданова или Малиновского свидетельствуют, что Красная армия дала всем желающим профессиональным военным возможность продолжать служить родине.

III. Ветеранство как сознание и требование признания

Статус ветерана характеризуется принадлежностью к добровольному союзу, цель которого — признание особого места фронтовиков в поствоенном обществе. В начале 1918 г. в Центральный комитет по делам о военнопленных вошли представители русского общества Красного Креста и четырех других союзов: инвалидов, вернувшихся из плена врачей, бежавших из плена солдат и офицеров, родных и близких военнопленных³. Вероятно, существовали и другие общественные организации, не связанные с пленом, но они не выросли до достаточного размера, чтобы их упомянули в документах центральных учреждений. Существовавшим обществам не удалось организовать на всех уровнях российской территории в контексте Революции и Гражданской войны; несовершеннолетние, они действовали в течение 1917 г. главным образом в столицах и крупных городах.

Первые общества ветеранов появились именно тогда, когда плен, ранение или бегство отрезали солдат от своей части и от военного сообщества, продолжавших тотальную войну. Критерии опознавания обществ ветеранов — не только взаимопомощь или политический лоббизм, но и существование содружеств, связанных интересом к военному делу, или кружков коллективной памяти. Встает вопрос: являлись ли ветераны общественной и политической силой, признаваемой государством и обществом, или же они довольствовались лишь получением материальной помощи?

А. Опыт коллективного действия: комитеты и союзы «вернувшихся»

Принадлежали ли солдатские комитеты к категории гражданских обществ, или они были политическим движением? Кто в них принимал решения и какие?

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов призвал к созданию комитетов, состоящих в большинстве из служащих и офицеров,

¹ Краткие записки о службе и именные списки бывших офицеров, март–июль 1918 г. // РГВИА. Ф. 3. Д. 51.

² *Sanborn J. Drafting the Russian Nation. P. 212–213. N 17.*

³ Журнал 19-го заседания Президиума ЦК по делам о военнопленных от 2 января 1918 // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 142. Л. 1.

нежели из низших чинов. В частях, где командование не успело притормозить или взять под контроль создание комитетов, оно ограничивало их деятельность. Выдвигались требования контроля и содействия командованию, которое видело в комитетах идеальный способ укрепления падавшей дисциплины и насаждения истинного патриотизма в солдатскую массу¹.

Письмо солдата 38-й артиллерийской бригады 5-й армии показывает, до какой степени к марту 1917 г. индивиды усваивали противоречивую диалектику дисциплины и свободы, продолжения войны и желанья мира. «Дождались мы этого события за несколько тысяч лет; слово свобода, затем сломили мы внутреннего врага и сейчас возьмемся за внешнего; сейчас у нас внутреннего врага нет, станем употреблять все силы на внешнего и будем стоять за матушку-Россию, за русскую свободу»². В то же время политические партии (особенно большевики) действовали как снаружи, так и изнутри. Комитеты относились более к типу союза, построенного сверху.

С другой стороны, солдаты объединялись спонтанно. Они использовали новое право свободно собираться, обсуждать вопросы и организовываться. Если солдаты в большинстве соглашались с необходимостью сохранения военной дисциплины, то понимали они подобное сохранение как «сближение всех чинов армии между собой»³. Комитеты были проводниками демократии, основой коллективного сознания; разнообразие и пестрота комитетов армий, дивизий и рот предоставили низшим чинам фактическую автономию. Этот политический опыт, несомненно, влиял на сознательность индивидов.

Анализ протоколов 18 комитетов, проведенный В. Миллером, свидетельствует, что хозяйственные вопросы составляли в среднем 25–35 % от общего количества и были на втором месте после организационных вопросов. Солдаты в большинстве своем требовали улучшения питания и одежды (45 % минимум), затем с апреля комитеты начали контролировать хозяйственную деятельность своих и тыловых служб. Постоянные переговоры с инстанциями учили многих тому, как аргументировать просьбу, узнать соотношение сил, найти компромисс, защитить интересы своей группы. Редко обсуждались военные вопросы, кроме вопроса об окончании военных действий и противоречивых мер хотя бы частичного восстановления военной дисциплины; иногда комитеты выдавали награды⁴. Индивидуальные заслуги определял коллектив равных, а не абстрактное ведомство или патерналистская иерархия; главным критерием стало не послушание, а жертва — главная основа требования статуса ветерана. Такое чувство справедливости, основное в крестьянском менталитете, играло важную роль во время избиений, самосудов и выборов офицеров.

Лагерные комитеты являлись существенным фактором формирования политического опыта коллектива, только в ограниченном масштабе. «Комитет

¹ Миллер В. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М.: Наука, 1974. С. 59, 76.

² За март 1917 г. военная цензура 5-й армии провела перлюстрацию не менее 161 160 писем солдат и офицеров. См.: Революционное движение в русской армии... С. 57.

³ Приказ № 270 русским войскам Румынского фронта от 24 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 9. Л. 68.

⁴ Миллер В. Указ. соч. Табл. на с. 249 и 266. С. 283–284.

произвел на меня неважное впечатление, члены его постоянно меняются, и не пользуется влиянием в лагере благодаря своей пассивности»¹. Мнения, подобные речи инспектора ЦК по делам военнопленных, встречались довольно часто, особенно после Брестского мира. Текучка (всеми подчеркнутая²) наблюдалась не только сверху, когда лагерная администрация не одобряла деятельность комитета, но и снизу — из-за постоянных перемещений солдат. Порой приходилось выполнять малоприятные функции: члены комитета должны были делить посылки между солдатами, однако в Альтдаме они совсем отсутствовали. Лагерные комитеты сильно зависели от поведения родных и решения властей. Главы комитетов часто менялись из-за неспособности организовать помощь рядовым членам, царское правительство такой помощью почти не занималось, а Земгор или благотворительные общества в России и за границей не могли удовлетворить растущие потребности военнопленных³.

В начале демобилизации произошло дробление опыта коллективного действия и потеря коллективной сознательности. Как представляется, географическое и социальное отдаление этих групп на фронте, в лазарете, в лагере помогало коллективу объединять индивидов, но возвращение домой вело к расколу групп и разрушению коллективного духа. Скорее всего, желание вернуться к нормальной жизни было сильнее желания изменить общество либо требовать особого статуса. Как следствие — индивиды слабо верили в коллективное действие, потому что мало участвовали в нем.

В. Корпоратизм ветеранов и государство

В сравнении с бежавшими из плена солдатами и с репатриированным медперсоналом, инвалиды с трудом получали специфическое признание в мобилизованном обществе, где они являлись медицинской и социальной проблемой. Однако недостаток государственного внимания подталкивал инвалидов к самоорганизации, особенно тогда, когда появились новые возможности общественного действия. В первом номере «Голоса инвалида», органа Союза инвалидов вернувшихся и прибывающих из плена, два лозунга выражали их идеологию: «Инвалиды должны заботиться об инвалидах» и «В подачках не нуждаемся». Они рассчитывали на самопомощь и возвращение к труду каждого, понимали, что каждому воздастся по его способностям⁴.

Союз был создан сразу после Февральской революции. Он поставил перед собой непростые задачи: распространение сведений о событиях и о лечении, передачу пособий инвалидам (в лагерях, лазаретах или дома), установление карточной номенклатуры всех инвалидов, перемещение больных и раненых

¹ Отчет о посещении лагеря Альтдама, 4 августа 1918 г. // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 7. Л. 8 об.

² Шуберская Е.М. Доклад о положении военнопленных в Германии ЦК по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста. Пг., 1917.

³ Отчет о посещении лагеря Цоссена, 15 августа 1918 г. // ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 7. Л. 16 об.

⁴ *Инвалид*. Записки инвалида // Голос инвалида. 1917. 15 июня. № 1. С. 3.

военнопленных в нейтральные страны, самопомощь трудовыми артелями и мастерскими. Раньше, до появления союза, инвалидов считали скорее свидетелями, чем жертвами или творцами своей судьбы. Когда первые из них вернулись из плена, члены Чрезвычайной следственной комиссии сенатора Кривцова решили прибегнуть к их длительным допросам¹. Пресса публиковала рассказы, но практически не было публикаций по вопросу о необходимости систематической общественной помощи инвалидам. Представлялось, что вполне достаточно традиционной филантропии.

Совет правления союза состоял из 10 солдат и 5 офицеров: это соотношение сил соблюдалось в большинстве солдатских комитетов на фронте. На всероссийский Съезд инвалидов предлагалось делегировать по 2 представителя из каждого уезда². Тут чувствовалось, во-первых, следование традициям созыва съездов профессиональных групп, научных или гражданских обществ³ и, во-вторых, активизация политической жизни после революции в условиях свободы слова и собраний.

Всероссийский съезд увечных проходил в Петрограде с 15 по 27 июня 1917 г. Все делегаты считали себя «обреченными преступным пренебрежением и равнодушием царского правительства на тяжкие лишения, муки и страдания» и предлагали «ужасающему количеству увечных воинов», десяткам местных комитетов соединиться в «особую корпорацию»⁴. Революция породила ожесточенную дискуссию вокруг вопроса о продолжении войны. Некая форма классовой борьбы противопоставила нижних чинов офицерам, «пацифистов», близких к социал-демократам — энтузиастам «защиты революции». Это означает, что общий опыт военной инвалидности не позволял им подняться выше классовых противоречий, различий между столицами и провинцией, городом и деревней. Это отчасти объясняет раскол союзов и инвалидов во время Гражданской войны, когда большевики проводили трагическую дискриминацию ветеранов «империалистической войны», когда атомизация российского общества в местные сообщества разрушила солидарность военного времени.

Исторически в России с трудом признавали статус ветерана. К вопросу обеспечения инвалидов государство обратилось только после войн с Турцией (1878) и с Японией (1905). В 1946 г. советская власть запретила действие союза ветеранов⁵, а инвалиды не получили достаточной компенсации за свою огромную жертву⁶. Хотя инвалиды наравне с рабочими имели право первоочередности на

¹ Протокол заседания Чрезвычайной следственной комиссии от 13-го апреля 1915 // РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1803. Л. 26 об.

² Устав // Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 5. Л. 55–58.

³ *Gerasimov I. V. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia. Rural Professionals and Self-Organization, 1905–1930.* London; New York: Palgrave Macmillan, 2009.

⁴ Всероссийский съезд увечных воинов. Пг., 1917. С. 5–9.

⁵ *Edele Mark. Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavic Review.* 2006. Vol. 65. Spring. P. 111–137.

⁶ *Fieseler B. The Bitter Legacy of the Great Patriotic War: Red Army Disabled Soldiers under Late Stalinism // Late Stalinist Russia. Society between Reconstruction and Reinvention / Juliane Fürst (ed.).* Abingdon—New York, 2006. P. 46–61.

биржах труда, хотя разные инстанции устраивали специальные курсы для образования «нового культурного чиновника» и человека, многие не нашли работу¹. Вольное (в 1917 г.) и легальное (периода НЭПа, до 1924 г.) землеустройство связывает ветеранов Первой мировой и Гражданской войн. В селе Старое Запонье двое демобилизованных жаловались, что получили в два раза меньше земли, чем в других хозяйствах².

Точную дату и детальный процесс перехода от старой к новой казенной системе помощи ветеранам трудно определить. Постановление 28 июля 1919 г. об аннулировании претензий к государству в связи с империалистической войной 1914–1918 гг. составляло новую юридическую основу, безвозвратный поворот. В Положении о социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев 28 апреля 1919 г. советская власть различала 10 категорий солдат, но, во-первых, исключала солдат бывшей царской армии и, во-вторых, предоставляла пенсии увечным на войне только в случае материальной необеспеченности³.

Несмотря на то что 4 разряда инвалидности базировались на трудоспособности (выше 15 % потери), сама трудоспособность не являлась первоначальным критерием социального обеспечения. Вероятно, преобладала политическая принадлежность, особенно на местном уровне, где в конечном итоге решились эти вопросы.

С. Атомизация: развитие локальности и индивидуализма

На Западе, включая страны, потерпевшие поражение, память павших на войне стала одной из важнейших конкретных и символических сфер деятельности обществ ветеранов. Это помогало делу обустройства военных кладбищ (обычно на полосе фронта) и составлению списков павших на памятниках в каждом городе и селе (во Франции). В течение войны на русском фронте братские кладбища устраивали чаще всего рядом с полем сражения (в Польше, Белоруссии, Украине и Прибалтике), иногда при гражданских кладбищах, редко в крупных городах и столицах. Московское братское кладбище предоставило упокоение только 17 340 солдатам, 580 офицерам, 38 гражданским лицам, 23 сестрам милосердия и 14 врачам⁴. Имело значение расстояние и строгие постановления о сроках и затратах на перевозку трупов.

С поражениями 1918 и 1920 гг. многие кладбища, в которых часто хоронили неизвестных павших (русские солдаты не имели знаков идентификации и редко носили военную книжку), оказались отрезанными от родины. Туда не могли попасть ни родственники, ни русские ветераны для поминания близких и товарищей, а также для ухода за могилами, чем в 1920-е гг. занимался Народный

¹ Анкета инвалида Василия Морозенко // РГИА. Ф. 23. Оп. 5. Д. 62, л. 19 об.

² Из сводки материалов информотдела ОГПУ по землеустройству и отдельным вопросам сельского хозяйства с 30 апреля по 10 мая 1925 г. // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1803. Опубликовано В.П. Даниловым, А. Береловичем (ред.) (см.: Советская деревня глазами ЧК — ОГПУ — НКВД. М., 2001. Т. 2. С. 308.).

³ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5: 1 апреля — 31 июля 1919 г. С. 118–122.

⁴ Московское городское братское кладбище. М., 1915; РГВИА. Ф. 16070. Оп. 1. Д. 1703.

германский союз по уходу за военными захоронениями. Списки павших ежедневно публиковались в прессе во время конфликта, но после войны не было учреждений, которые бы предоставляли подобные окончательные списки. Память погибших стала в России совершенно личной, а для семьи отсутствие захоронения мужа, сына или отца сильно осложняло выполнение обычных траурных процедур.

Большинство солдат возвращались по одиночке. Мишнин честно радовался революции, которую он считал завершением событий 1905 г. Его тон и слова резко менялись: «Долой всё гнилое, долой всё старое, пагубное и мерзкое. Заря новой великой России, счастливой и радостной. Мы, солдаты, свободны, мы одинаковы, все граждане великой России». Он поддержал Керенского, стал корреспондентом рязанских «Известий», его выбирали в солдатский комитет несколько раз, но он согласился работать в нем только в начале октября; позднее одобрил ликвидацию Учредительного собрания¹, наконец, 29 января 1918 г. он вернулся домой. Если опыт войны толкал его левее собственных довоенных убеждений, то его политический путь был колеблющимся и индивидуальным: на него не влияли ни личности, ни коллективы фронта или тыла.

До своей смерти в 1955 г. Мишнин весьма редко про это рассказывал и, кажется, не поддерживал связь ни с кем из однополчан тех частей, в которых он служил. На это индивидуальное забвение не могли повлиять вечера воспоминаний, которые советская власть планировала организовать в клубах и избах-читальнях в 1920-е гг., но которые редко и вяло проводились на местах². Общее желание перестать воевать и личное облегчение от перехода к нормальной жизни не являлись достаточными, чтобы создать коллективный отказ от войны — пацифизм «снизу», который в Советском Союзе не процветал как элемент общест-венности.

Фильм Фридриха Эрмлера «Обломок империи» (1929) по повести Николая Погодина раскрывает судьбу контуженного солдата мировой войны, который невольно спасает жизнь красноармейца в боях Гражданской войны. В 1928 г. он возвращается в Петроград, сначала ничего не понимает, затем идеально адаптируется к строительству новой жизни. Через десять лет после поражения в Первой мировой войне на экране таким образом был поднят вопрос о героизме, самопожертвовании и братстве. Кроме эпизода братания с неприятельским солдатом, этот нижний чин бродит совсем один в ночи; на заводе он тоже одинок среди не очень дружелюбных рабочих. Если на фронте солдаты лично и коллективно сопротивлялись равнодушию и бесчувственности тыла, порожденным войной, то в мирное время этот коллективный опыт не нашел продолжения даже в самом сердце страны. Братство — миф, фронтовой героизм — обман, память — невозможна: лучше всё забыть и строить заново всё, включая личную жизнь, — таков лейтмотив фильма. Он доказывает, что в новой общественной формации нет личной истории Великой войны.

¹ Мишнин В.А. Дневник // Земство. 1995. № 2. С. 146, 153, 155, 157.

² Sumpf A. Le repos impossible du combattant: mobilisations, démobilisations et surmobilisation des soldats en Russie, 1921–1929 // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 2008. N 98. Avril. P. 177–190.

Заключение

Признание жертв и травм воинов Первой мировой войны было более материальным и личным, чем политическим и коллективным, вызывало не только скорую утрату социальных преимуществ времен войны, но и, вероятно, ликвидацию особых связей, устанавливаемых на фронте солдатами.

Более того, в соответствии с военным (в какой армии, специальной части), территориальным (на каком фронте, в гарнизоне, в тылу) и политическим (патриоты, революционеры, национальные меньшинства) положением каждого бойца представление об их общественной роли было контрастным и неоднозначным, что отразилось в борьбе между обществами ветеранов, включая инвалидов, солдатскими советами и революционными партиями за монополию выражения стремлений солдатской массы.

Наконец, особенность возвращения солдат с фронта (дата, длительность, осложнения) определяла ожидания ветеранов и оценку значения их военного опыта и заслуг в условиях новой экономической и политической обстановки.

Опыт боев, военной жизни и демобилизации учили русских солдат неустойчивости коллективных связей вне семьи, места жительства или профессии, вынуждали каждого разрабатывать свою личную стратегию и в конечном итоге открыли широкий путь к распространению индивидуализма в России. Этот индивидуализм резко отличался от того, что диктовала охватившая страну риторика свободы. В деревне индивиды сталкивались с укрепляющимися общинами, которые с демобилизованными, как и с беженцами или с иностранными военнопленными, не считались. На самом деле все эти индивиды участвовали в больших группах и массовых движениях. Если внимательно прочитать разные типы документов, кажется, что эти группы добились критической массы, скорее всего, случайно, что массовые действия начинались и останавливались внезапно, а не составляли вместе единый феномен, полученный от долгого и однонаправленного накопления.

Источники позволяют вывести несколько заключений о статусе обществ в России при царском строе, революции и советской власти. Интересна их роль в составлении коллективной памяти, в создании социальной солидарности и в поощрении индивидуального участия в гражданском строительстве. До 1917 г. и в эпоху революции занимались филантропией царская семья, земства и Земгор, разные частные благотворительные организации. Эти три источника доходов для общественного блага столкнулись с мощным направлением большевиков к государственной монополии: коммунисты сумели в короткий срок разрушить эти связи в условиях Гражданской войны. В середине 1920-х гг. массовые добровольные общества, среди которых выделялись Осоавиахим и ОДВФ, подключились к работе с обществами ветеранов. Вне вопроса милитаризма/пацифизма этих ассоциаций стоит вопрос о роли ветеранов в них и их мнении о них¹.

¹ Оценку по первому вопросу (но слишком мало по второму) можно найти в кн.: *Николова О.Ю.* Воспитание патриотов. Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М.: Новый Хронограф, 2010.

Более того, филантропию и обеспечение нужно изучать с точки зрения не только государственной политики или общественной взаимопомощи, но и местной экономики, семейной солидарности, а также памяти о претензиях войск к тылу. Помощь беженцам и падение производства уже исчерпали местные средства, но остались земля и мертвый инвентарь. За редким, локальным, исключением «черный передел», реквизиция средств производства у помещиков и отрубников и легальное советское землеустройство не проводились в пользу солдат и солдаток.

Идея жертвы, отплатить за которую им было обязано общество, не являлась преобладающей среди солдат. Самая важная цель ветеранов — вернуться к прежнему, нормальному положению, поменять большие исторические события (война, революция) на местную и частную жизнь. Обычно считают, что большевики не разрешали обществам ветеранов строиться и расти, а затем их ликвидировали. Даже имея опыт борьбы за свои права, ветераны не смогли стать независимой силой в стране: не было до войны достаточно связанных между собой общественных движений в городе и в деревне. Можно предположить, что ветераны все вместе не стремились стать такой силой: экстремальный опыт войны не позволял им требовать особого места в новом обществе. Большинство бывших бойцов остались оторванными друг от друга: только немногие требовали признания статуса ветерана.

Данная статья недостаточно внимания уделяет индивидуальным судьбам: еще предстоит собрать базу данных, благодаря которой можно будет создать портрет типичного ветерана — по возрасту, сословию, занятию до войны и опыту на войне. В моем распоряжении пока недостаточно материалов о конкретных участниках событий, чтобы писать обобщенный портрет русского «поколения огня». Я пока не успел отыскать следов обществ ветеранов в региональных и муниципальных архивах, чтобы показать, сколько их было, где преимущественно, как они функционировали и до каких пор. Также мне еще предстоит изучить статус этих обществ как социальной структуры в архивах и в местной периодике, где публиковались объявления о взаимопомощи, благотворительных мероприятиях или собраниях ветеранов.

На мой взгляд, самый перспективный подход — создать социальную микроисторию одной части (полка) с момента мобилизации до момента возвращения последних солдат домой. Тогда мы сможем действительно ответить на основные вопросы: возвращались ли ветераны Великой войны главным образом к своему прежнему общественному статусу, или же война изменила их сильнее социального положения других слоев населения?